

Сергей Кравцов, Екатерина Бойчук
Отмычка Соломона*

Петя и Соломон

По морю легкий ветерок гнал небольшие волны.

– Приплыли, – сказал Петя, – лови лодку.

Но ловить лодку особенно не пришлось. Небольшие волны медленно подгоняли ее к берегу.

– Я думал, вся провоняет рыбой, а так вроде чистая, – сделал заключение Соломон, осмотрев и даже понюхав лодку. – Залезли и поплыли, а то еще какие-нибудь не усвоившие учение Спасителя появятся.

Путешественники забрались в лодку и стали отгребать от берега.

– Ты все-таки далеко от берега не отплывай, – с подозрением всматриваясь в воду, посоветовал Соломон. – На берегу вроде никого нет, а из моря может появиться черт знает кто. Ангел предупреждал.

Так плыли они довольно долго. Может, часа два, а может, все четыре. Солнце стояло на одном месте и показывать время суток категорически отказывалось.

– Или время стоит, или это не солнце, – сделал вывод Соломон.

– Да, – согласился Петя, – на севере тоже солнце не заходит, но там оно по кругу кружится. Сам видел, когда в стройотряд ездил.

– Светит – и слава Богу! – подытожил Соломон. – Давай свиной искать.

– Кстати, вот и они! – отозвался Петя и показал рукой на плоский склон, где на траве паслись десятка полтора пятнистых свиной. – Но, по-моему, они никуда не плывут и не собираются.

* Продолжение. Начало в кн. 64-73.

– Всему свое время. Евангелие читать надо. Сидим и ждем! Если это те свиньи, то поплывут, – с уверенностью сказал Соломон.

Свиньи мирно паслись, маленькие волны нехотя лизали гальку берега, все из того же места на небе светило солнце.

И вдруг грохнуло. Грохнул не гром небесный, а где-то за горизонтом огромная масса чего-то металлического врезалась в гору металла.

Обе горы завибрировали. Звук все рос и повышался. На воде возникли маленькие стоячие волны, как в тазике с водой, если ударить по нему палкой. Петя и Соломон закрыли уши руками. И вдруг звук на самой высокой ноте оборвался.

– Ничего себе обеденный гонг, – только и сказал Петя.

Свиньи на лугу оживились, повернулись пяточками к морю и взяли разгон. Они бежали все быстрее и быстрее, и, пробежав по пологой скалке, выступающей из берега в море, стали одна за другой прыгать в воду.

– И бросилось стадо с крутизны в озеро, и потонуло, – процитировал Соломон.

– Крутизна так себе, и тонуть они явно не собираются, – Петя указал рукой на свиное стадо, которое построилось клином и, рассекая пятаками волны, деловито плыло от берега.

– Петя, быстро плывем за ними, они же как глиссер, они же уплывут, – забеспокоился Соломон.

Свиньи плыли быстро – видимо, сказывалась многолетняя тренировка. Соломон начал нервничать. Он сидел на корме и наблюдал удаляющуюся свиную эскадру, а Петя греб.

– Ну что ты дергаешься, – успокоил его Петя, – направление нам известно. Солнце стоит, как нарисованное, а может, и впрямь нарисованное. Если свиньи плывут на тот берег, то и мы доплывем.

– Ты представляешь, что такое «тот берег»? Это же Турция! Тут по прямой триста километров.

– Не верится мне что-то, что свиньи в Турцию плывут. Не любят их там.

– А у нас их, следовательно, любят. От такой любви можно и больше переплыть.

Вот так, мило беседуя, мореплаватели вдруг заметили, что за одним горизонтом пропал берег, а за другим флотилия свиней.

– Главное – плыть, куда плыли, – решил Петя, осматриваясь, – к вечеру доплывем.

– Мне твои дурацкие шутки вот где, – с истерикой в голосе стал возмущаться Соломон. – Этот день никогда не кончится, и мы никуда не приплывем. Ни еды, ни воды.

– Слушай, Соломон, как ты думаешь, почему ангелы в разных шляпах были? – вдруг спросил Петя. – Меня этот вопрос все время интересовал, а я так и не спросил.

– И не спросишь, если обратно не повернем, – возразил Соломон.

– Знаешь, давай еще немножко вперед проплывем. Во-первых, ангелы говорили про «ту» сторону, во-вторых, свиньи триста километров не поплывут, я так думаю.

Петя опять взялся за весла и какое-то время греб молча.

– И потом, почему мы уверены, что плывем в Черном море? То может быть какой-нибудь лиман или вообще черт знает что.

– И мы плывем вдоль него, а не поперек, а чертей я бы вообще не поминал, вполне могут здесь водиться.

– Не водимся, а живем мы здесь, – послышался чей-то назидательный голос, как из моря. Рядом с лодкой в воде возник большой прямоугольный проем, огороженный мраморным парапетом. Воды в нем не было, а стенки отделаны желтоватым мрамором, и вниз вели мраморные ступени. Из проема лился теплый желтый свет и доносилась приятная музыка.

– Валим отсюда, и быстрее, – сказал Петя и налег на весла, быстро отгребая от парапета.

Не успела лодка отплыть и двадцать метров, как проем исчез, и музыка стихла.

– Теперь я точно знаю, что берег недалеко, – сделал вывод Соломон. – Раз нас пытаются сбить с пути истинного, значит, этот путь не так уже и ошибочен.

– Я надеюсь, что ты прав, – согласился Петя.

Не прошло и получаса, как на горизонте показалась земля, и скоро можно было рассмотреть рыжие отвесные обрывы и осыпи ракушечного камня, подмытого морем.

– Ты знаешь, Соломон, я вдруг вспомнил одну картину, которую продавал какой-то самодеятельный художник в горсаду. На ней был пляж Ланжерон. Чтобы зрители не ошиблись –

с двумя шарами на входе. Море, а на горизонте виднеются небо-скребы Манхэттена. Вот и у нас что-то похожее.

Ракушечные скалы, разрушаемые морем, образовали бухточки и заливчики.

– А знаешь, еще в шестидесятые годы все пляжи Одессы выглядели так, – сказал Соломон, всматриваясь в прибрежные скалы.

– Знаю, в кино видел. Пляжей не было, а были деревянные купальни.

– И бычков была уйма. Не то что теперь, – мечтательно произнес Соломон.

– погоди, – прервал его Петя, – если это не твое детство, то это не Одесса.

– Конечно, из Одессы мы вышли, что-то переплыли... и вот мы здесь.

– Мы в Одессе вошли, – поправил его Петя, – а где вышли – только Аллах знает, а что переплыли – и подавно. Поэтому давай попробуем высадиться и осмотреться.

– Мы могли бы вон там вылезть на эту глыбу, перетащить лодку, а потом как-то вскарабкаться по обрыву. Вон видишь – трещина, – стал показывать пальцем Петя.

– И именно этим путем, подавая друг другу копытца, залазили на этот обрыв свиньи уже две тысячи лет, – возразил Соломон. – Надо искать место высадки свиней.

Поплыли вдоль берега. Отвесные, рассыпающиеся у воды на отдельные глыбы ракушечные обрывы постепенно становились ниже. Между ними и морем появилась широкая песчаная коса, а за косой блестела лента совершенно спокойной воды.

Осмотревшись, путешественники заметили метрах в пятистах проток, перерезающий косу.

– Заплывем внутрь, – предложил Соломон. – Это мелкий лиманчик, такой когда-то был в Лузановке. Там воды по колено. Вот видишь камыш под склоном? Наверно, пресный источник. Там лодку спрячем, залезем на гору и осмотримся.

Проток был мелкий, как и лиманчик за ним. Вода в лиманчике теплая и прозрачная. На дне по желтому песку бегали крабики и носились стайки мальков.

Возле камней вытащили лодку на берег, затащили ее в камыши и закидали сверху сломанными стеблями. Цепляясь за кусты, вы-

лезли на гору. Соломон, не привычный ходить босиком, попробовал было надеть кроссовки, но скоро натер мокрой обувью ногу. Горестно вздыхая, кроссовки снял и, связав шнурками, повесил на плечо.

На ровном плато горы колыхался ковыль, и так пахло разнотравьем, что хотелось лечь в эту первозданную траву и лежать, глядя в небо. Метрах в пятистах от них возле трех огромных дубов паслось стадо свиней.

– Все-таки мы их вычислили, – с удовольствием отметил Соломон.

– А как ты думаешь, их есть можно? – рассматривая хрюшек под дубами, задумчиво произнес Петя.

– Нельзя их есть! – возразил Соломон. – Каждая свинья по самый пяточок бесами набита. Как ее убьешь – так все они освободятся. И как ты думаешь, куда они вселятся?

– Тут ты, кажется, прав. Еще несколько дней назад, если бы ты мне рассказывал про бесов в свиньях, я бы сказал, что ты спятил окончательно. Но после того что я беседовал с джиннами и два раза по воде ходил...

Галина

Галина ехала в автобусе и сильно нервничала. Чем больше она думала о Пете, его работе, грачах и деньгах, тем больше ей все это не нравилось. Подозрительно было все! И огромные деньги за пустяковую работу, и ночное время. И малопонятная мистика с грачами. Нет, это все пора было прекращать. И вообще! В конце концов, можно было бы и не ездить в свадебное путешествие в Париж.

Собственно, на этом пункте и держалась Петина работа. Галина уже давно бы стала на дыбы, но Петя сказал, что проработает там еще три месяца, и они поедут в свадебное путешествие в Париж. А как поется в песне: «Нужны Парижу деньги, черт возьми!». Конечно, нужны! Один билет в Лувр стоит девять с половиной евро. Она узнавала. И в конце концов, не так уж много денег им нужно. Ведь не в отель едут – к подруге Оле. И тогда она увидит Нотр-Дам, и дивный витражный свет Сен-Шапель, и музей Орсэй, и музей Клюни с его гобеленами «Дамы с единорогами».

Но грачи! И Крестовоздвиженский с его подозрительно гениальными копиями Дега и Ван Гога категорически рекомендовал уносить ноги. Но при этом не делать резких движений! Интересно, как можно уйти с работы плавно? Нет, хватит! Конечно, Париж – это Париж, но жизнь дороже. Этак можно и не увидеть Париж, и умереть.

Нагревшись за полтора часа езды в автобусе до паники и категорически отказавшись от любых свадебных путешествий вообще и в Париж в частности, Галина, не заезжая домой, поехала прямо к Пете.

Лифт не работал. Проклиная тяжеленную сумку с едой, Галина кое-как добралась до шестого этажа и остановилась на Петинной площадке. Дверь в его квартиру была приоткрыта! Галина замерла в нерешительности. Множество детективных фильмов с неизменным трупом в прихожей толклись в ее памяти. Галина тихо позвала: «Петя! Петя!». Никто не отозвался. Она достала носовой платок и, обернув ручку, открыла дверь.

В прихожей горел свет. На полу валялся ее плащ и батон-багет. У стены среди разбросанных тапочек стояла старинная чугунная мясорубка. Девушка оставила сумку на площадке и, обмирая от страха, стараясь ничего не сдвинуть, прошла в квартиру.

На всех окнах чернели кресты. Повсюду валялись косточки от маслин. У кресла стояла на две трети пустая бутылка коньяка. Трупа нигде не было, даже в кладовке и стенном шкафу, которые бедная Галина открывала в полуобморочном состоянии.

Похитили! Связали и вынесли! Нет, пожалуй, увели под пистолетом – кто ж его потащит, восемьдесят килограмм? Сам ушел.

Все так же осторожно Галина вышла на площадку и, бросившись бежать, опрокинула сумку. Чертыхнувшись, занесла сумку в квартиру и, не распаковывая, засунула в пустой Петин холодильник. Успокоившись этой хозяйственной деятельностью, закрыла дверь своим ключом и пошла вниз по лестнице.

Во дворе на лавочке сидел сосед Жора. Обычно безмятежное лицо его сейчас выражало некоторое раздумье и даже озабоченность.

– Ты Петю не видел? – спросила Галина.

– Видел. Нельзя такого пьющего парня так надолго оставлять. Белочка у него.

– Ты это чего? С чего вдруг ты это взял?

– Заходил он ко мне. Позвонить. Через балкон хотел вылезть. Я его тормознул. Он куда-то убежал.

– Один?

– Один!

– А ты чего?

– А мне живот скрутило.

– Эх, ты! Ну ничего, спасибо, что тормознул. А куда побежал?

– Мне откуда знать? Вниз по лестнице.

Слегка успокоенная тем, что Петя передвигался без посторонних, хотя и не в себе, Галина задумалась: что делать дальше?

В милицию идти было бессмысленно. Петя исчез менее суток назад и, похоже, добровольно. Потратив полчаса на звонки по мобиле, Галина выяснила, что ни у кого из друзей Петя сегодня не появлялся.

И тут позвонил Петя. Увидев его номер, Галина нажала на кнопку.

– Привет, Петя! – сказала она.

– Откуда ты знаешь, что это я? – удивился Петя.

– Вот чудо, а голос чей? И номер. Только ты и знал, когда я утром приеду.

– Да, конечно, – согласился он. – А как ты там? Жива, здорова, ничего у тебя не болит, голова, например?

– Петя, ты какой-то сегодня странный. Уж не загулял ли в мое отсутствие, что с утра о головной боли спрашиваешь? Ты где сейчас?

– Недалеко в городе. Я скоро приеду, поговорим. Целую.

Петя выключил мобилку. Послушав пару секунд гудки, ошарашенная Галина пошла назад, в Петину квартиру. Звонок ничего не прояснил. Через пятнадцать минут приведения квартиры в порядок Галина поняла, что звонок взвинтил ее еще больше, чем если бы его вообще не было. И странная обстановка в квартире, и Петины расспросы о головной боли выглядели крайне подозрительно. И заставляли думать: а не повредился ли он сам в уме? Но здравомыслие и хорошее психическое здоровье как раз и были его главным преимуществом. С чего бы вдруг он начал чудить?

Прождав Петю полтора часа и не получив от него ответа на шесть звонков, девушка впала чуть ли не в панику. В белую горячку она не верила. В любовниц тоже. Все опять упиралось в проклятую работу. Поколебавшись немного, решила: пусть

у Пети даже будут неприятности на работе, которую все равно бросать, но сходить с ума от страха больше невозможно. Галина взяла такси и помчалась в офис.

Петя и Соломон

Они стояли на обрывистом берегу залива. Прямо перед ними до самого горизонта искрилось на солнце море, переливаясь всеми оттенками голубого и синего. Высокие берега, прерываемые оврагами, простирались к далекому мысу справа. А влево уходили песчаные косы и болотистые лиманы, а дальше к горизонту опять поднимались высокие берега с поросшими кустами овражками.

– Красота, – только и сказал Соломон. – Если бы я не знал, что мы черт знает где, я бы сказал, что это Одесский залив. И стоим мы на Живаховой горе.

– Да, действительно красиво, – согласился Петя. – А вон там справа виднелся бы порт и одесский пляж. А вон кого-то, кажется, уже несет неведомая сила.

– Где, где?

– А вон из-за мыса показался.

Через полчаса стало очевидно, что в бухту вошел небольшой корабль с двумя мачтами. Хорошо были видны черные борта и один косой парус на передней мачте.

– И что это может быть за корабль? – задумчиво спросил Соломон.

– Не знаю, похоже на египетскую фелюгу. Я их в Египте видел, но там оба паруса косые, а у этого второй, кажется, прямой.

– А вот это как раз и неважно. Сколько бы у него парусов ни было, если он сюда приплыл, то, возможно, к кому-то. Значит, кто-то тут все-таки живет.

– А может, он просто вдоль берега шастает? – предположил Петя.

Парусник обогнул мыс и пошел вдоль берега. Около часа он шел вдоль обрывов.

Петя и Соломон сидели на травке и наблюдали за медленным движением косого паруса. И вдруг парус остановился. От него отвалилась маленькая лодочка и поплыла к берегу.

– Во, видишь, там балочка. А раз балочка, значит, там ручеек, возле пресной воды люди живут. Значит, и нам туда, – показывая рукой на берег, делал выводы Петя.

– А там какие-нибудь голодные нас на обед ждут в качестве блюда, – с сомнением заметил Соломон.

Лодка вернулась к судну, постояла – в нее что-то грузили, и опять пошла к берегу.

– Что-то перевозят. Значит, груза много. В общем, там кто-то живет. Надо пойти и посмотреть.

– Может, на лодке поплывем? – предложил Соломон, которому не нравилась идея топтать босиком по колючкам.

– Как только мы в море выйдем, так они нашу оранжевую лодку и засекут. У них, наверное, и подзорная труба есть. И если это таки да Одесский залив, а на то очень похоже, то выгребать нам против течения. А я уже, честно говоря, замахался. Бог знает кто они такие. Чем позже они нас заметят – тем лучше.

Петя прошелся по крутому краю горы и скоро нашел довольно пологую протоптанную раздвоенными копытцами тропу.

– А вот и дорога, по которой хрюшки взбираются наверх. Я так и думал. Раз свиньи не летают, значит, должна быть тропа. Пошли, Соломон, – сказал Петя и стал спускаться на песчаную косу.

Они шли по мелкому теплему лиманчику по колени в воде, здоров рубашки выше пояса. Креветки-бокоплавы щекотали ноги, пытаясь познакомиться поближе. Стайки мальков бросались врассыпную. Иногда мелькала серебром чешуи рыбка покрупнее.

– Я все же надеюсь, что мы на Черном море, – сказал Петя, рассматривая дно перед собой. – И мы не наступим на какую-нибудь сволочь с ядовитыми шипами, которая нас ждет две тысячи лет, как у них тут принято.

Благополучно перейдя лиманы, вышли на косу и пошли вдоль моря, оставляя на мокром песке следы босых ног. Впереди стая огромных серых чаек что-то оживленно делила. На песке лежала туша здоровенной белуги. Туша была несвежая и сильно расклеванная чайками. Путники прибавили шаг, чтобы поскорее избавиться от ее запаха.

– А чайкам нравится, – заметил Соломон.

– Неделю не пожрем – и нам понравится, – буркнул Петя, у которого в животе начало что-то урчать.

Приходилось обходить кучи раковин мидий, выброшенных прибоем, чтобы не поранить ноги. А по бордовым водорослям идти было мягко и приятно. Валики этих водорослей тянулись на сотни метров вдоль берега. Они пахли йодом и сладковатым запахом разложения. По ним у воды бегали маленькие коричневые крабики.

Часа через два ходу берег начал подниматься. Пологий склон, из которого тек ручеек, зарос камышом и боярышником. Прежде чем соединиться с морем, ручеек образовывал маленький прудик с пресной водой. Путешественники напились и стали искать удобный подъем на склон, заросший боярышником. В одном месте склон был более пологим, и явно просматривался просвет между кустами.

– Петя, смотри, похоже, что тут дорожка. Возможно, тут водятся крупные животные, и протоптали тропу.

– Водятся, – согласился Петя, – и кусты топорами рубят, – добавил он, показывая на пеньки кустов, срубленных чем-то острым.

– А у нас никакого оружия нет, – посетовал Соломон.

– И что бы ты с ним делал? – поинтересовался Петя.

– Да, действительно, – согласился Соломон.

Вылезли наверх, огляделись. Черный корабль стоял в километрах трех от берега. Паруса были спущены, на палубе никого.

– Давай подойдем, посмотрим, куда они все подевались. Раз эти гады нас сюда отправили, значит, кого-нибудь мы должны здесь найти.

– Идем, – согласился Петя, – только давай отойдем от берега, а то они нас с этой фелюги заметят раньше, чем мы их.

Солнце стало припекать. Жаворонки пели прямо над головой. Не пуганые здоровенные сурки сидели на курганах и тарасили глаза.

– А вот и мясо, – Петя показал пальцем на сурка. – Вполне кошерный, особенно когда есть нечего.

– Сурки – естественный резервуар чумы в природе. И вообще, у меня такое впечатление, что мы где-то в заповеднике. Вот видишь, головы из ковья торчат – это дрофы, кстати, тоже вкусные, а вон вообще сайгаки бегут. Все это в натуре только в Аскании-Нова сохранилось.

Так, мило беседуя на кулинарные темы, путники дошли до заросшей балочки, за которой, возможно, находилось то место, куда лодка что-то перевозила.

По дну балки текла небольшая речечка, заросшая камышами, и по склонам отлично себя чувствовал все тот же боярышник. Петя и Соломон пошли вдоль балки, удаляясь от моря. Балка становилась все мельче, и через час ходьбы путники оказались на другой стороне.

– Вот и посмотрим, есть ли в этой степи жизнь. Только осторожно, не вылазь на видное место, и вообще, лучше пригнись, – инструктировал Петя, идя впереди и пытаясь рассмотреть что-либо на берегу.

– Сам знаю, – огрызнулся Соломон, пытаясь не очень выходить из боярышникового подлеска и при этом не оставить на колючках всю одежду.

– Вон они! – прошептал Петя. – Вон три головы видны. Ложись, поползем дальше.

Ползти в длинных рубахах под кустами боярышника было на редкость неудобно, и главное – шумно. Продвинувшись метра на три, «разведчики» с тихими чертыханиями опять встали на ноги. Согнувшись в три погибели, они стали пробираться к берегу. Впереди был небольшой бугорок, а может, старая сурчина, густо заросшая лопухом. С нее открывался хороший обзор берега, обрыва и моря за ним.

То, что увидели путешественники, высунув головы из-под лопухов, их мало сказать – не порадовало.

– Какая уж тут жизнь, тут смертью пахнет, – прошептал Петя.

– Ничего себе – все людям, – подтвердил Соломон.

На берегу работали трое мужчин. Они были очень загорелыми, голыми до пояса, в коротких до колен полотняных штанах. Мужчины копали. Что они копали, стало ясно с первого взгляда. В один ряд вдоль берега были выкопаны девять ям. Предназначение их тоже было понятно. Возле каждой из выкопанных ям лежал парусиновый мешок с характерными очертаниями. Еще над тремя ямами трудился экипаж черного корабля.

Петя и Соломон наблюдали.

– Знаешь, наверное, нам не надо подходить к ним и здороваться, – наконец сказал Соломон. – Может, у них чума?

– Хорошо, что хоть ветер с берега, – заметил Петя.

– Если будем лежать до вечера, ветер переменится, – прошептал Соломон. – Хотя в вечере я как раз сомневаюсь. За все время солнца так и не сдвинулось с места.

Мореплаватели закончили копать последние три ямы. Они стали вокруг большого камня и начали молиться, встав на колени и обратив лицо на восток. На камне лежал какой-то продолговатый нестерпимо сияющий на солнце предмет, но разглядеть его не удавалось. После недолгой молитвы они стали бережно опускать мешки с покойниками на места вечного упокоения. Потом они забросали могилы землей и принялись рубить боярышник.

Через час на берегу в ряд стояли девять могильных холмиков с импровизированными крестами из стволов боярышника. Не дав себе никакой передышки, странные мореплаватели взяли сверкающий предмет, положили его в шкатулку и пошли на юг, в сторону оврага. Вскоре они скрылись из виду.

– Пойдем следом? – спросил Петя.

– Что-то мне не хочется. Чует мое сердце, что они скоро вернуться. Опять же, еще три могилы пустые. Может, теперь сухопутных покойников принесут? Давай подождем. И ноги болят уже.

Они спустились с бугра, заползли под кусты и улеглись в теньке. Солнце припекало, пахло полынью, в траве жужжали какие-то насекомые. Путников стало клонить ко сну. Вскоре Соломон уснул. Петя какое-то время крепился, время от времени пихая Соломона в бок, когда тот начинал громко храпеть. Но потом заснул и сам.

Проснулись они одновременно, как от толчка. Солнце все так же висело на том же месте, все также гудели какие-то мухи, но путешественники выползли из-под кустов и опять взобрались на бугор.

И вовремя. Из-за кустов появились мореплаватели. Они шли гуськом, не торопясь. Шкатулки с ними не было. Подойдя к пустым могилам, они опять стали молиться.

– Интересно, это они в гостях были или клад зарывали? Я в смысле, они когда-нибудь обедать собираются? А то они какие-то жутко сознательные – только работают и молятся. А поминки? – зашептал Соломон.

– Тише ты! Ветер в их сторону. Им не до еды.

Странные мореходы закончили молитву.

Потом спрыгнули каждый в свою могилу. Петя встал в полный рост и успел увидеть, как желтая глина, что лежала холмами у края могил, потекла в ямы с людьми.

– Вот черт! – сказал Петя. – Живьем в могилу легли, да еще и сами засыпались. Ну и развлекается тут народ, одни других краше.

– А куда это они ходили? И угораздило же нас заснуть! Понятия не имею, сколько мы проспали.

Они еще постояли на бугре, но земля в могилах не шевелилась, и новых мореплавателей с судна тоже не появлялось. Корабль все так же слегка покачивался на волнах, и на палубе все так же не было ни души.

– Если бы на судне кто-то был, они бы отбивали склянки каждый час, а тут тихо, аж в ушах звенит.

– Похоже, что на корабле никого нет, и вид у него какой-то мертвый и старый. Мне даже кажется, что когда мы еще не спали, он как-то поновее был, по крайней мере дыры в парусе я точно не видал, – сказал Соломон.

– Знаешь что, – сказал Петя, – давай спустимся. Близко подходить не будем, вдруг действительно чума, а просто пройдем мимо и поищем, куда они ту шкатулку занесли. Все равно не знаем, что ищем. Вдруг это она?

Путешественники стали спускаться к могилам. Прямо скажем: друг друга обогнать они не пытались. Когда до берега оставалось метров пятнадцать, Соломон схватил Петю за руку.

– Смотри! Этим могилам ужас как много лет.

И в самом деле. Могилы вовсе не были свежими. Холмики почти сровнялись с землей, на них росла трава. Кресты из боярышника покосились, а один пустил корни и зеленел листьями. Даже последние три могилы выглядели, как заросшие полынью ямки.

Петя оглянулся на корабль. Фелюга лежала на боку много ближе к берегу, на мели. В борту у нее зияла дыра, уже обросшая зелеными и красными водорослями. Обрывки паруса ленточками колыхались на слабеньком ветерке.

– Если тут и была чума, то много лет назад, – сказал Петя. Он подобрал с земли ржавый топор со сгнившим топорищем и, взяв его под самый обушок, стал вырубать стволы боярышника. Провозившись довольно долго, он смастерил три сучковатых

креста и воткнул у изголовья последних трех могил. Соломон сидел рядом на кочке и молчал.

Наконец Петя закончил свои труды, положил остаток топора в могилу и сказал:

– Жаль, помянуть нечем, обязательные, похоже, были люди. Да и имен нет. Ну ладно, пошли, а то, того и гляди, стемнеет.

– Ага, стемнеет, держи карман шире. Я все думаю: кто они, и куда ходили? Ведь что-то важное у них было! Ты знаешь, мне показалось, что они уже мертвыми в могилу легли. Давай все-таки пойдем поищем. А то мне кажется, что если мы еще тут постоим, то жутко постареем.

Против ожидания, они нашли тропинку, хотя, по-видимому, ее протоптали звери. Тропинка петляла между боярышниковым подлеском, огибала ракушечные глыбы и очень скоро привела их к обрыву большого оврага. На высоте метров восьми они увидели большую дыру – вход в пещеру.

Продолжение следует

